

ка без лирического героя. Миф о Баратынском не мог сложиться, потому что его поэзии не хватало персоналистичности. Индивидуальное, неповторимое, личностное стало достоянием Пушкина; абстрактное, универсальное — Баратынского. Только «большое время» может оценить равнозначность этих фигур для дальнейшего развития литературы. Спустя без малого сто лет после предпринятой Щегловым попытки отождествить Баратынского с Сальери Ю. М. Лотман написал: Пушкин и Баратынский «находятся в том переломном моменте литературного пути России и европейской культуры в целом, из которого открываются две перспективы: одна из них ведет к Толстому и Блоку, вторая — к Флоберу и Верлену. Подобно библейскому Моисею, Пушкин и Баратынский подвели свой народ к границе обещанной цели, но им не суждено было перейти ее...»⁴⁰

По сути дела, состоявшаяся или несостоявшаяся история зависти участников этого творческого диалога помогает осознать на примере конкретного историко-литературного сюжета действительную, а не часто лишь провозглашаемую невозможность прогрессистского отношения к литературе, которая не допускает иерархии, подчиненной логике «на первый-второй рассчитайся», когда речь идет о классике, в данном случае представленной двумя героями этой работы.

⁴⁰ Лотман Ю. М. Две «Осени» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 521.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-163-170

© А. А. Долинин

КТО ЖЕ СКАЗАЛ «ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ „ШИНЕЛИ“ ГОГОЛЯ»?*

Происхождение известной формулы «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя» (варианты: «Мы все»; «вышли из-под» «шинели Гоголя»; «гоголевской „Шинели“»; «гоголевской шинели»), которую с самого начала XX века обычно приписывают Достоевскому, оживленно обсуждалось в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Сначала С. А. Рейсер определил, что впервые формула была употреблена в статье «Ф. М. Достоевский» французского дипломата, переводчика и критика Эжена Мельхиора де Вогюэ (1848—1910), который, говоря о теме страдающего маленького человека в «Бедных людях», писал: «Il est vrai, Gogol avait fourni le theme dans sa nouvelle intitulée „Le Manteau”. „Nous sommes tous sortis du „Manteau” de Gogol” disent avec justice les auteurs russes; mais Dostoievsky substituait à l’ironie de son maître une émotion suggestive».¹

Он же указал и на первый, весьма нескладный русский перевод этого пассажа: «Правда, повесть Гоголя под заглавием „Шинель” дала уже тему. Русские писатели справедливо говорят, что все они „вышли из „Шинели” Гоголя”, но Достоевский иронию своего учителя заменил невольно вызываемым волнением».²

* Я душевно благодарю В. А. Мильчину за помощь в работе над статьей.

¹ Vogüé E. M. de. Les écrivains russes contemporains: F. M. Dostoievsky // Revue des deux mondes. 1885. Т. XLVII. Janvier. P. 320 (см.: Рейсер С. А. «Все мы вышли из гоголевской „Шинели”» // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 184). Пер.: «Правда, Гоголь задал эту тему в повести, озаглавленной „Шинель”. „Мы все вышли из „Шинели” Гоголя”, — справедливо говорят русские писатели; но Достоевский заменил иронию своего учителя на трогательное нас чувство». Здесь и далее перевод мой. — А. Д.

² Цит. по: Рейсер С. А. «Все мы вышли...». С. 185 (впервые: Вогюэ Э. М. де. Современные русские писатели: Толстой — Тургенев — Достоевский. М., 1887. С. 16 (3-я паг.)).

Однако дальнейшую историю формулы Рейсер исследовал недостаточно тщательно. Он упустил из вида статью Вогюэ о Гоголе, опубликованную несколько позже в том же журнале, где формула подана уже не как крылатая фраза, у которой нет автора, а как конкретное высказывание некоего старого русского литератора в разговоре с критиком: «Plus je lis les Russes, plus j'aperçois la vérité du propos que me tenait l'un d'eux, très-mêlé à l'histoire littéraire des quarante dernières années: „Nous sommes tous sortis du *Manteau* de Gogol”. Si vous prenez Dostoievsky, par exemple, la filiation est évidente: le terrible romancier est tout entière dans son premier livre, *les Pauvres Gens*, et *les Pauvres Gens* sont en germe dans *le Manteau*».³

Более того, Рейсер не нашел знаменитую фразу и в книге Вогюэ «Русский роман» («Le roman russe», 1886), составленной из опубликованных ранее журнальных статей о русских писателях в хронологической последовательности и новой редакции, хотя она там имеется. Чтобы избежать дублирования, Вогюэ оставил ее только в главе о Гоголе, отослав читателей за подробностями вперед, к главе о Достоевском («On verra plus loin combien la filiation est évidente chez Dostoievsky»),⁴ но Рейсер, не обнаружив формулу на том месте, где она была в журнале, по недосмотру решил, что «Вогюэ твердо отказался от сказанных ранее слов» и изъясил их из книги.⁵

На недосмотр Рейсера в специальной заметке указали С. Бочаров и Ю. Манн, процитировавшие соответствующий фрагмент из «Русского романа» и предположившие, что писателем, «тесно связанным с историей литературы последних сорока лет», все-таки был Достоевский, который вступил в литературу в 1846 году, т. е. ровно за сорок лет до выхода книги Вогюэ. Согласно Бочарову и Манну, в «Бедных людях» — в эпизоде чтения Макаром Девушкиным «Шинели» — Достоевский показал, «как он выходит из гоголевской повести. Автор „Бедных людей” „выходил” из Гоголя в том смысле, что он продолжал его, развивал открытую им для литературы тему, и в том смысле, что он оспаривал Гоголя, давал его теме другой поворот, говорил свое „новое слово”».⁶

Три года спустя Рейсер вернулся к истории формулы и, признав свои ошибки, выступил против ее атрибуции исключительно Достоевскому. По его мнению, Вогюэ упорно не называл имя писателя, от которого он слышал фразу, именно потому, что «эти (или близкие) слова произносил не один только Достоевский», и формула, «в выработке которой принимали участие многие русские писатели-реалисты», лишь суммировала распространенный взгляд на «Шинель» Гоголя как «на источник и начальный этап русской реалистической прозы».⁷ В подтверждение своей точки зрения он привел дневниковую запись О. Н. Смирновой о разговоре ее матери Александры Осиповны с Тургеневым после выхода в свет «Отцов и детей»: «Когда И. С. Тургенев задел ее и Гоголя в „Отцах и детях” (...) она от души смеялась и сказала мне: „Однако же, Иван Сергеевич, все-таки вы сами вышли, по вашим же словам, из шинели Гоголя, а из-под каланчи (...) по ходатайству губерна-торши. Ваш роман *chef d'œuvre*; ваши же друзья Герцены и компания его ругают,

³ Vogüé E. M. de. Les écrivains russes contemporains: Nicolas Gogol // Revue des deux mondes. 1885. T. LXXII. Novembre. P. 258. Пер.: «Чем больше я читаю русских, тем лучше понимаю, как прав был один из них, тесно связанный с литературной историей последних сорока лет, когда сказал мне: „Мы все вышли из „Шинели” Гоголя”. Если взять, например, Достоевского, то преемственность очевидна: наводящий ужас романист уже весь присутствует в своей первой книге „Бедные люди”, а „Бедные люди” в зародыше присутствуют в „Шинели”».

⁴ Vogüé E. M. de. Le Roman russe. Paris, 1886. P. 96.

⁵ Рейсер С. А. «Все мы вышли...». С. 186.

⁶ Бочаров С., Манн Ю. «Все мы вышли из гоголевской „Шинели”» // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 183—184.

⁷ Рейсер С. А. К истории формулы «Все мы вышли из гоголевской „Шинели”» // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971. С. 187—189.

а Гоголь и губернаторша одобряют...»⁸ «Таким образом, — заключает Рейсер, — мы убеждаемся в том, что изучаемая нами формула, так сказать, висела в воздухе и неоднократно произносилась различными писателями, большими и малыми, всеми, кто считал себя связанным с „натуральной школой“ и с ее вождем и основоположником».⁹

Отталкиваясь от замечаний Рейсера, но не принимая его концепцию «суммарной формулы», Л. Долотова попыталась доказать, что скорее всего фраза принадлежала не Достоевскому и не целому сонму писателей-реалистов, а Тургеневу, которому, как показано в статье, ее несколько раз приписывали и ранее. Кроме О. Н. Смирновой, она называет князя А. И. Урусова,¹⁰ а также ряд зарубежных писателей.¹¹ К ее короткому списку можно прибавить еще В. З. Штепенко, плодотворного педагога из Керчи, автора ряда «пособий для исторического изучения русской словесности в средних учебных заведениях». В одном из них он писал: «Тургенев выразился однажды о себе и беллетристах сороковых годов: „Мы все вышли из гоголевской шинели“».¹² Однако никаких убедительных аргументов в пользу своей гипотезы Долотова не предложила.

Наконец, шведский исследователь Магнус Рёль высказал интересное предположение, что Вогюэ мог слышать формулу от Д. Григоровича, с которым он, как следует из статьи о Достоевском и книги «Русский роман», встречался в Петербурге и обсуждал историю публикации «Бедных людей».¹³ Определение «тесно связан-

⁸ Шенрок В. И. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь в 1829—1852 гг. // Русская старина. 1888. № 4. С. 67. Имеется в виду высказывание Базарова о пребывании в имении Анны Сергеевны Одинцовой: «С тех пор, как я здесь, я препакастно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. Т. 7. С. 161). Рейсер цитирует лишь слова А. О. Смирновой о «шинели Гоголя», по непонятной причине полагая их аутентичными (*Рейсер С. А.* К истории формулы... С. 188—189). Как известно, О. Н. Смирнова, большая выдумщица и мистификаторша, любила сочинять разговоры своей матери с известными людьми. Обращенные к Тургеневу слова А. О. Смирновой в ответ на выпад против нее и адресованных ей писем Гоголя, вошедших в «Выбранные места из переписки с друзьями», кажутся одной из таких выдумок, поскольку Смирнова никакого отношения к освобождению Тургенева из-под «каланчи», т. е. ареста, в 1852 году не имела: он провел в заключении весь месяц, назначенный ему Николаем I, и затем был сослан в имение Спасское. См.: *Лемке М.* Арест и высылка И. С. Тургенева в 1852 году // Русская мысль. 1906. Кн. 2. С. 16—26 (2-я паг.). Фраза о «шинели Гоголя» явно анахронистична, по смыслу плохо согласуется с выдуманной фразой об аресте Тургенева и представляется позднейшей интерполяцией, навешанной чтением Вогюэ, с которым мать и дочь Смирновы были знакомы, или какой-то беседы с ним. В архиве Вогюэ сохранилась краткая запись их рассказов о Гоголе, но «Шинель» в ней не упомянута (см.: *Röhl M.* Le Roman Russe de Eugene-Melchior de Vogüé. Étude préliminaire. Stockholm, 1976. P. 121—122 (Stockholm Studies in History of Literature; 16)).

⁹ *Рейсер С. А.* К истории формулы... С. 189.

¹⁰ См.: Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем: В 2 т. М., 1907. Т. 2. С. 66.

¹¹ *Долотова Л.* Достоевский или Тургенев? // Вопросы литературы. 1972. № 11. С. 187—188.

¹² *Штепенко В.* Пособие для исторического изучения русской словесности в средних учебных заведениях. Ч. IV: Пушкинская эпоха и Белинский, как ее истолкователь. Керчь, 1906. С. 353.

¹³ *Röhl M.* Le Roman Russe de Eugene-Melchior de Vogüé. P. 122. Ср.: «Un de ses camarades, M. Grigorovitch, qui tient une place honorée dans les lettres et m'a confirmé cette anecdote, porta le manuscrit chez Nékrassof» (*Vogüé E. M. de.* Les écrivains russes contemporains: F. M. Dostoïevsky. P. 315; *Vogüé E. M. de.* Le Roman russe. P. 208—209). Пер.: «Один из его (Достоевского. — А. Д.) товарищей, г-н Григорович, который занимает почетное место в литературе и который подтвердил мне этот анекдот, отнес рукопись («Бедных людей». — А. Д.) Некрасову». В дневнике Вогюэ отмечено посещение им музея Общества поощрения художеств, который он называет «замечательным созданием Григоровича», его основателя и директора (*Journal du vicomte E.-M. de Vogüé.* Paris—Saint-Petersbourg 1877—1883 / Publié par F. de Vogüé. Paris, 1932. P. 99; запись от 18 октября 1878 года). Как указал Магнус Рёль, в дорожной тетради Вогюэ есть запись его разговора с Григоровичем 14 июля 1882 года о графине С. А. Толстой (*Röhl M.* Le Roman Russe de Eugene-Melchior de Vogüé. P. 122).

ный с историей литературы на протяжении последних сорока лет» подходит к Григоровичу значительно лучше, чем к Достоевскому и Тургеневу, которые все-таки сами эту историю определяли и которых к тому же в 1885 году уже не было в живых. Кроме того, именно Григорович в «Литературных воспоминаниях» утверждал, что в 1840-е годы все «тогдашнее литературное молодое поколение», включая его самого и Достоевского, находилось под сильным влиянием Гоголя: «все в одинаковой степени были увлечены Гоголем; почти все, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя, преимущественно повести „Шинель“».¹⁴ Акцент на «Шинели» и ее воздействию на всех молодых писателей 1840-х годов, действительно, делает это высказывание, отмеченное Рёлем, самой близкой параллелью к обсуждаемой формуле. Не следует забывать, однако, что Григорович писал свои воспоминания в конце 1880-х годов, т. е. уже после выхода статей и книги Вогюэ. Поэтому представляется весьма вероятным, что он вторил французскому критику, чтобы подтвердить истинность понравившейся ему формулы.

Вне поля зрения исследователей остались по меньшей мере два случая, когда фраза о «Шинели» атрибутировалась Вогюэ иначе, чем в статьях и книге. Прежде всего обращает на себя внимание сокращенный английский перевод «Русского романа», вышедший в 1887 году в Бостоне, где соответствующее место читается так: «A late Russian politician and author once said to me: „Nous sommes tous sortis du manteaux de Gogol“».¹⁵

Трудно себе представить, чтобы переводчица решилась на столь резкое изменение, не имеющее никакой опоры в оригинале, без согласования с автором. Хотя ее перевод изобилует купюрами и не свободен от ошибок, никаких примеров полной отсебятины в нем не обнаруживается. Но если новая атрибуция формулы «покойному сановнику и писателю» отражает авторскую волю, то она исключает как Достоевского и Тургенева, которые никаких государственных постов не занимали, так и Григоровича — не только по той же причине, но и потому, что в 1887 году он был еще жив. Это заставляет нас более пристально взглянуть на другие литературные знакомства Вогюэ в Петербурге.

Из ряда документов мы знаем, что чаще всего Вогюэ встречался с петербургскими литераторами в салоне графини С. А. Толстой, вдовы А. К. Толстого. По свидетельству К. Ф. Головина (впрочем, не самому надежному), «это был в самом деле избранный кружок, в высокой степени изящный. Сама графиня Толстая в обществе показывалась мало, но к ней ездили охотно — подышать артистической атмосферой, завещанной покойным графом. У нее было на кого поглядеть: Гончаров, Достоевский, вероятно Тургенев, которого, впрочем, на пятницах я не встречал, и молодое еще, восходившее светило — высокоталантливый Владимир Соловьев. Вечера графини немножко походили на священнодействие. Литературные кумиры принимали благовонный дым каминов и, как подобает кумиру, сами говаривали очень мало. (...) Гончаров был поразительно молчалив, а Достоевский мог проси-

¹⁴ Григорович Д. В. Полн. собр. соч.: В 12 т. 3-е изд., вновь пересм. и испр. автором. СПб., 1896. Т. 11. С. 275. Несколько ранее Григорович вспоминает о том, как у него «пробуждалось влечение к реализму, желание изображать действительность так, как она в самом деле представляется, как описывает ее Гоголь в „Шинели“», — в повести, которую он «с жадностью перечитывал» (Там же. С. 267).

¹⁵ Vogüé E.-M. de. The Russian Novelists / Transl. by J. L. Edmands. Boston, 1987. P. 68. Пер.: «Один русский сановник и писатель, ныне покойный, как-то сказал мне: „Мы все вышли из шинели Гоголя“». Я перевожу английское «politician» как «сановник», потому что американская переводчица использовала его в тех случаях, когда у Вогюэ и процитированных им русских авторов речь идет о государственных деятелях и чиновниках высокого ранга. Так, она называет Матвея Ильича Колязина, персонажа «Отцов и детей», одним из «the younger politicians» (Ibid. P. 118), тогда как в русском оригинале он сановник и государственный муж, а в книге Вогюэ — «un haut fonctionnaire», «homme d'État», «un courtesan» (Vogüé E. M. de. Le Roman russe. P. 177—178).

деть целый вечер в такой мертвой неподвижности, что положительно напоминал курильщика опиума с крайнего Востока».¹⁶

Совсем другую картину рисует Н. С. Лесков: «Дом графини Толстой был одним из приятнейших и посещался очень интересными людьми. Из литераторов у графини бывали запросто и не запросто виконт Вогюэ, Достоевский, Болеслав Маркевич и я. Раз был проездом Тургенев. Иногда в этом доме читали, но более беседовали и иногда спорили — небесстрастно и интересно».¹⁷

В дневнике Вогюэ отмечены три вечера в салоне Толстой. 17 (29) марта 1879 года он присутствовал на чтении Тургенева и Достоевского; 17 (29) января 1880 года беседовал с Достоевским, который развивал свою излюбленную идею всемирной отзывчивости русского духа и его преимуществ над западным мышлением; 6 (18) марта того же года вел разговоры с дипломатом Ю. П. Бахметевым (внебрачным сыном графини), Маркевичем и Достоевским.¹⁸ Кроме того, впоследствии Вогюэ вспоминал еще одну беседу с Достоевским, который обличал мерзости западной цивилизации и Парижа, предвещая страшную гибель «новому Вавилону».¹⁹ Но на самом деле, конечно, он бывал у графини Толстой намного чаще, о чем свидетельствует его благодарное воспоминание о ней в письме к И. Гальперину-Каминскому от 27 августа 1892 года: «Если мне удалось схватить некоторые черты их (русских писателей. — А. Д.) глубинного гения, если частое общение с авторами объяснило мне их книги, то всем этим я обязан одному человеку редких достоинств: скончавшейся несколько месяцев назад графине Толстой, вдове утонченного поэта Алексея Константиновича. У ее камелька согревались все лучшие русские умы. Я думаю, что никакой иностранец, приехавший с Запада, не смог бы разобраться в запутанных душах и мыслях, допустим, Достоевского или, скажем, Аксакова, если б их для него не освещал свет, исходивший, как из алмазной призмы, от всеобъемлющего духа этой необыкновенной женщины».²⁰

Из всех завсегдатаев салона графини Толстой, упомянутых выше, определению, данному в английском переводе «Русского романа», — «русский сановник и писатель, ныне покойный», — полностью соответствовал лишь один литератор: Болеслав Маркевич, скончавшийся 18 (30) ноября 1884 года в Петербурге. По свидетельству мемуариста, «как камергер, действительный статский советник, бывший чиновник, занимавший довольно видный пост члена совета министерства народного просвещения (...) Маркевич считал себя „аристократом крови“; как автор популярных в высших кругах рассказов и романов, он позволял считать себя литератором».²¹ Современники часто называли его «чиновником-литератором»,²² а сам он именовал себя «литератором, действительным тайным советником».²³ И хотя в 1875 году блестящая служебная карьера Маркевича прервалась, когда он был пойман на взятке, отставлен от службы в министерстве, лишен звания камергера и не-

¹⁶ Головин К. Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 322.

¹⁷ Лесков Н. С. О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л. Толстом // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 146.

¹⁸ Journal du vicomte E.-M. de Vogüé. P. 123, 164, 187; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821—1881. СПб., 1999. Т. 3: 1875—1881. С. 310, 371, 388.

¹⁹ Banquet franco-russe du 26 octobre 1893. Discours prononcés par MM. E.-Melchior de Vogüé, de l'Académie française, Tatistcheff, Souvorine, E. de Roberty, Bonnat, de l'Institut, Émile Zola, Anatole Leroy-Beaulieu, de l'Institut, Komaroff, R. Canivet, A. Hébrard et Jules Simon, de l'Académie française. Paris, 1893. P. 13—14.

²⁰ Vogüé E.-M. de. Lettre inédite sur les études russes // Revue hebdomadaire. 1910. 9 avril. № 15. P. 149.

²¹ Либрович С. Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916. С. 354—355.

²² Майорова О. Е. Маркевич Болеслав Михайлович // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К—М. С. 520. Ср. о нем: «чиновник-литератор, очень красивый и видный» (Скальковский К. Воспоминания молодости (По морю житейскому). 1843—1869. СПб., 1906. С. 263).

²³ Либрович С. Ф. На книжном посту. С. 357.

надолго выслан из столицы, ему быстро удалось восстановить прежнее положение в высшем свете, где его охотно принимали как сановника в отставке, популярного романиста и «баловня старых и молодых великосветских дам», умевшего занять их «своим умом, островами, анекдотами и пением». ²⁴

«Большой красноречивый», ²⁵ «человек необыкновенно изящной внешности и утонченного обращения <...> говоривший очень интересно и красиво», ²⁶ Маркевич при этом блистал не оригинальностью и глубиной суждений, а их отточенной формой. Как писал Лесков, он «всегда отличался недостатком собственных мнений и, по выражению одного из его светских приятелей, „всегда ехал у кого-нибудь в тороках“». ²⁷ Недоброжелатели даже обвиняли его в том, что он ворует чужие каламбуры и остроумия, о чем была написана злая эпиграмма Д. Минаева:

Маркевич был совсем некстати
В любостязаньи обвинен;
Однако все ж виновен он
Пред целым обществом в растрате...
Чужих *beaux mots*, чужих остроум, —
Их за свои он выдает. ²⁸

И хотя сам Маркевич как писатель не из какой гоголевской шинели не выходил, ему было вполне по силам оформить в виде изящного афоризма достаточно банальную мысль о том, что изображение «бедных людей» в литературе 1840—1850-х годов было так или иначе связано с образом Акакия Акакиевича. ²⁹

Косвенным свидетельством того, что Вогюэ, по всей вероятности, услышал формулу именно от Маркевича, может служить его отклик на смерть последнего в одном из «Писем из России» («Lettres de Russie»), печатавшихся в газете «Journal des débats»: «Les lettres russes viennent de faire une nouvelle perte par la mort de M. Markévitch. Romancier facile, mêlé depuis un quart de siècle à toutes les luttes littéraires, Markévitch avait su intéresser le public en ressuscitant dans un cadre de fiction toute la chronique de la haute société sous les deux derniers règnes. Son oeuvre est utile à consulter pour l'histoire des métamorphoses de cette société, mais on lui refuse généralement les qualités solides qui feront survivre les romans de ses trois grands rivaux, Tourguénief, Tolstoï et Dostoïevsky». ³⁰

Говоря, что Маркевич — это писатель, который на протяжении четверти века был связан (mêlé) с литературными битвами, Вогюэ, *mutatis mutandis*, использует то же определение, которое в статье о Гоголе и книге «Русский роман» он, как мы видели, дал литератору, сообщившему ему формулу «Все мы вышли из „Шинели“»

²⁴ Загоскин С. М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 81. № 7. С. 50.

²⁵ Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1: За полвека. С. 204.

²⁶ Любимов Д. Н. Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. А. С. Долинин. М., 1964. Т. 2. С. 370—371.

²⁷ Лесков Н. С. О куфельном мужике и проч. С. 153. «Ехать в тороках» значит «ехать пристегнутым к всаднику сзади».

²⁸ Цит. по: Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века: В 2 т. / Сост. А. Островский. М.; Л., 1932. Т. 2. 1840—1880. С. 208.

²⁹ Напомним, что еще в 1861 году Чернышевский, говоря об отношении писателей «натуральной школы» к народу, придумал похожий, но более грубый пейоративный каламбур: «Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — все это насквозь пропитано запахом „шинели“ Акакия Акакиевича» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939—1953. Т. 7. С. 859).

³⁰ Journal des débats politiques et littéraires. 1888. 14 décembre. P. 2. Пер.: «Русская литература понесла новую утрату со смертью г-на Маркевича. Ловкий романист, связанный на протяжении четверти века со всеми литературными битвами, Маркевич умел заинтересовать публику, воскрешая в художественной форме всю летопись высшего света при двух последних царях. К его произведениям полезно обращаться, чтобы проследить историю этого общества, но, по общему мнению, им не хватает тех солидных качеств, благодаря которым романы его трех великих соперников, Тургенева, Толстого и Достоевского, обеспечили себе долгую жизнь».

Гоголя» (писатель, «тесно связанный с литературной историей последних сорока лет»).

Если Вогюэ действительно подхватил формулу у «большого краснбая» Маркевича, становится понятно, почему он так не хотел назвать его имя. Ведь вышедшая из уст посредственного консервативного литератора с подмоченной репутацией, который к тому же в 1840-е годы, по слову хорошо знавшей его А. Панаевой, «о литературе <...> и не помышлял»³¹ и, следовательно, не имел права претендовать на роль наследника Гоголя,³² формула потеряла бы вес и никак не смогла бы стать тем, что мы сегодня называем мемом.

Вогюэ же явно стремился к тому, чтобы полюбившееся ему выражение превратилось в мем. Для этого в 1899 году он предлагает новое, уже четвертое (!) объяснение его происхождения. В статье «Русская литература. Великие годы и великие романисты, 1840—1880» («La littérature russe. Les grandes années et les grands romanciers, 1840—1880»), которая была опубликована вместе с ее английским переводом в гигантской тридцатитрехтомной международной антологии мировой литературы «The Universal Anthology», выходявшей при участии виднейших ученых и писателей Европы, он, наконец, приписывает формулу одному из «великих»: «„Nous sommes tous sortis du *Manteau* de Gogol”, me disait un des grands romanciers de la génération suivante».³³

Или в английском переводе, где выбран вариант «из-под шинели»: «„We have all come from beneath Gogol’s *Manteau*”, said one of the great writers of the following generation».³⁴

Только теперь, когда ни графини Толстой, ни литераторов-завсегдатаев ее салона (кроме Вл. Соловьева), ни тех писателей, начинавших в 1840-е годы, — Гончарова, Григоровича, Писемского, которые могли бы причислить себя к последователям Гоголя, — уже не было в живых, Вогюэ решился придать формуле статус авторитетного высказывания русского классика мировой величины, по сути дела предложив желающим выбор между Достоевским и Тургеневым (Толстой, как известно, дебютировал только в 1852 году).

Можем ли мы верить четвертой атрибуции Вогюэ? Думаю, что нет, ибо, если бы она была верной, ничто бы не помешало ему с самого начала приписать формулу «великому романисту» и тем самым способствовать ее распространению. Однако именно эта — по всей вероятности, ложная — атрибуция была безоговорочно принята на веру русскими критиками, которые в большинстве своем из двух возможных кандидатов выбрали Достоевского. Если Google Books не находит ни одного русского примера цитирования формулы Вогюэ до самого конца XIX века, то в период с 1901 по 1917 год ее все чаще и чаще цитируют как подлинное высказывание Достоевского во многих статьях и книгах по истории русской литературы.³⁵ По-

³¹ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 102.

³² Сам Маркевич, правда, в мемуарах отнес себя к «людям поколения сороковых годов», которые испытали «могущественное влияние» своих литературных кумиров и смогли «служить отечеству своему незабвенную службу в деле освобождения русского народа от крепостного состояния и создать целый ряд высоко художественных произведений, которым теперь начинают все более и более удивляться и завидовать иностранцы...» (Маркевич Б. М. Полн. собр. соч.: В 11 т. СПб., 1885. Т. 11. С. 382).

³³ The Universal Anthology. A Collection of the Best Literature, Ancient, Medieval and Modern, with Biographical and Explanatory Notes / Ed. by R. Garnett, L. Vallée, A. Brandl. London; New York; Paris; Berlin, 1899. Vol. XVII. P. XV. Пер.: «„Мы все вышли из „Шинели“ Гоголя”, сказал мне один из великих русских романистов следующего (за Гоголем. — А. Д.) поколения».

³⁴ Ibid. P. XXXIII.

³⁵ См., например: Соловьев Е. А. 1) Литературное движение XIX века в России // XIX век. Иллюстрированный обзор минувшего столетия. СПб., 1901. С. 192 (прил. к журналу «Нива»); 2) Очерки из истории русской литературы XIX века. 3-е изд. СПб., 1907. С. 483, 492; Александровский Г. В. Чтения по новейшей русской литературе. Киев, 1903. Вып. 1. С. 14; Сиповский В. В. История русской словесности. СПб., 1908. Ч. III. Вып. 2: Очерки русской литературы

сколько среди этих работ были самые популярные учебные пособия для средних и высших учебных заведений, апокрифическая фраза прочно укоренилась в сознании тех, кто получал образование в предреволюционные годы, и они-то, уже не сомневаясь в подлинности формулы, транслировали ее следующим поколениям. Так Вогюэ удалось создать успешный мем, который более ста лет размножается в русской, советской и постсоветской культурах и, кажется, не собирается сдавать свои позиции.

XIX столетия 40—60-х годов. С. 302; *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века: В 2 т. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1. С. 192; *Незеленов А. И.* История русской словесности для средних учебных заведений. М., 1909. Вып. 3. С. 167; *Саводник В.* Очерки по истории русской литературы XIX века. 5-е изд. М., 1909. Ч. 2. С. 239; *Каллаш В. В.* Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1911. С. 167; *Венгеров С. А.* Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1913. Т. 2: Писатель-гражданин Гоголь. С. 90, 120; *Веселовский А. Н.* История новой русской литературы XIX века. М., 1917. С. 137.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-170-180

© Н. А. Богомолов

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ 125 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД*

Не круглый, но все-таки юбилей Л. Н. Толстого (190 лет со дня рождения) заставляет задуматься о том, что его жизнь окончательно отодвинулась в прошлое. Если не такое уж давнее время назад современники Толстого еще были среди нас, то теперь таких уже невозможно отыскать. И, стало быть, любые воспоминания о встречах с ним приобретают статус значимого исторического свидетельства, особенно в тех случаях, когда речь идет о людях, важных для истории русской культуры. А Л. Я. Гуревич и А. Л. Волинский такими, безусловно, были.

История взаимоотношений Л. Н. Толстого с журналом «Северный вестник» не раз становилась предметом исследования. Наиболее подробно и последовательно проследил ее П. В. Куприяновский в работе «Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в журнале „Северный вестник”»,¹ обстоятельно писала об этом Е. Д. Толстая,² да и вообще почти ни одна работа о журнале не могла обойти этот вопрос вниманием.³ Но вместе с тем даже самые поверхностные поиски в архивах показывают, что возможности новых открытий далеко не исчерпаны. Два таких небольших открытия мы предлагаем читателям.

Отношения с «Северным вестником» велись Толстым через его издательницу Л. Я. Гуревич и ближайшего к редакции сотрудника А. Л. Волинского. Первая не раз рассказывала о своих встречах с писателем, прежде всего о самой первой, которая во многом предопределила содержание всех дальнейших. Говоря о своих взаимоотношениях с Н. С. Лесковым, она писала, что он «...ободрил меня к скорейшему посещению Толстого и, узнав, что гр. С. А. Толстая в детстве была знакома с

* Выражаем сердечную благодарность за помощь в работе Н. В. Котрелеву и Л. И. Соболеву.

¹ *Куприяновский П. В.* «Оглядываясь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 92—125 (впервые: *Куприяновский П. В.* Доверие к жизни. Ярославль, 1981).

² *Толстая Е.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. Иерусалим; М., [2013]. С. 83—134.

³ Первоначальную библиографию см.: *Богомолов Н. А.* Печать русского символизма. [Saarbrücken, 2012]. С. 99—100.